

Глава 20

Закат

Петр и Екатерина выехали из Астрахани в Москву в конце ноября 1722 года. Еще до их отъезда начал выпадать снег. Волгу ниже Царицына сковало льдом, и Петр не смог пуститься в путь на галерах. Отыскать подходящие для царского кортежа сани оказалось делом нелегким, и в результате путешествие заняло целый месяц.

Вернувшись в Москву, Петр окунулся в предрождественскую праздничную атмосферу. Карнавальные процессии на святочной неделе превзошли размахом праздника прошлого года. Саксонский посланник так описывал эти торжества: «Вот описание нашего карнавала, окончившегося только вчера после восьмидневных празднеств: он состоял частью в катании на сани, в числе шестидесяти, которые заслуживали, чтобы их видеть. Вид был тем более хорош, что представлял маленькую морскую эскадру, прогуливавшуюся по улицам, ибо кареты изображали различного рода морские суда, начиная с фрегата, в котором ехал царь, и кончая маленькой шлюпкой. Нить начиналась колесницей, в которой ехал Бахус, представлявший его вполне и по одеянию, и внешним видом, ибо за три дня до нашей поездки позаботились привести его в приличное состояние. За ним следовал шут Его Величества по имени Виташи, одетый медведем и везомый шестью медвежатами, потом следовали другие сани, запряженные четырьмя свиньями, затем черкес, ехавший на десяти собаках. Далее следовали адъютанты князя-папы, иначе патриарха, в числе шести, люди чрезвычайно почтенные по летам, ехавшие в одежде кардиналов, на взнузданных и оседланных быках. За ними следовал в большой колеснице патриарх в папской одежде, обильно расточавший благословения. Он сидел на троне, окруженный избранными, и впереди Силен, его сопровождавший, сидя на своей бочке. Князь-кесарь, олицетворение царя Московского, следовал за ними с королевским венцом в сопровождении двух медвежат, потом ехали в колеснице в виде раковины, великий Нептун с трезубцем в руках и два тритона, служивших ему пажами. Затем появился большой о тридцати двух пушках (восемь из которых были бронзовые, а остальные деревянные) двухпалубный фрегат Его Величества, в три мачты со всеми снастями, флагами и парусами. Все судно было около тридцати футов длиной. Нужно было удивляться красоте и величине этого фрегата. Его Величество был одет моряком, представляя собой капитана корабля. Только шесть лошадей везли эту огромную машину. Затем следовала змея около ста футов длиной с огромным хвостом, нагруженная разными людьми. Хвост был составлен из двадцати четырех маленьких саней, привязанных одни к другим, которые извивались. Далее виднелась огромная вызолоченная баржа, где находилась Ее Величество царица, одетая крестьянкою фрисландскою со всем двором и всадниками, одетыми африканцами. Эта баржа была очень красива и вся изукрашена зеркалами. Затем следовала труппа князя Меншикова, одетого со всей свитой аббатами, в сопровождении баржи княгини Меншиковой с труппой испанок. Потом следовал военный фрегат, где был адмирал, одетый гамбургским бургомистром, далее ехала шлюпка герцога с толпою голштинских крестьян в числе двадцати и с музыкантами. Затем следовала шлюпка иностранных министров в синих домино со всеми их прислужниками верхами в этом же одеянии в сопровождении колесницы молдавского господаря, одетого турком под своим балдахином».

Перед тем как уехать из Москвы в Петербург, в начале марта 1723 года, Петр пригласил своих друзей полюбоваться другим поразительным зрелищем – сожжением деревянного дворца в Преображенском, того самого, где он некогда вынашивал тайные замыслы войны против Швеции. Император собственноручно расставил по полкам и чуланам сосуды с разноцветными легковоспламеняющимися химикалиями, а потом поджег дом факелом. Строение мгновенно вспыхнуло. Пожар сопровождался множеством мелких взрывов и разноцветных вспышек. Некоторое время, пока здание не рухнуло, его прочный бревенчатый каркас четким силуэтом вырисовывался на фоне цветных сполохов. А когда от дома остались лишь почерневшие, дымящиеся развалины, Петр обернулся к герцогу

Голштинскому, племяннику Карла XII, и промолвил: «Вот образ войны: блестящие подвиги, за которыми следует разрушение. Да исчезнет вместе с этим домом, где вырабатывались первые замыслы против Швеции, всякая мысль, могущая когда-либо снова вооружить мою руку против этого государства, и да будет оно наивернейшим союзником моей империи!»

В теплые месяцы Петр большую часть времени проводил в Петергофе. По совету своего врача он пил минеральную воду и занимался разнообразными физическими упражнениями – косил траву и совершал пешие прогулки с ранцем за спиной. Пребывание на воде по-прежнему оставалось для него самым большим удовольствием, и прусский посол сообщал, что даже министры порой не могут подступиться к государю. «Император настолько увлечен своими виллами и плаванием под парусом в заливе, – писал дипломат, – что ни у кого не хватает духу его потревожить».

В июне 1723 года весь двор, включая и царицу Прасковью, страдавшую жестокой подагрой, переехал с Петром в Ревель. Там по повелению императора был воздвигнут изысканный розовый дворец для Екатерины, а поблизости выстроен скромный трехкомнатный домик для него самого⁴⁵. Дворец Екатерины был окружен просторным парком, украшенным прудами, фонтанами и статуями, однако, отправившись на прогулку по его широкому аллею, император с недоумением отметил, что гуляет он в одиночестве. Причину этого Петр скоро выяснил – у главных ворот стоял часовой, которому было приказано никого не впускать в парк. Петр тут же отменил этот приказ, заявив, что никогда не стал бы разбивать такой большой и дорогостоящий сад только для себя и своей жены. На следующий же день по городу ходили барабанщики и оповещали жителей, что дворцовый парк открыт отныне для всех.

В июле Петр отплыл с флотом на Балтику, где были проведены маневры. В августе он вернулся в Кронштадт. Там состоялась церемония чествования маленького ботика, который Петр некогда обнаружил гниющим в Измайлове и на котором в компании Карстена Бранта брал первые уроки мореплавания на Яузе. Поименованный «дедушкой русского флота», ботик был доставлен в Кронштадт. Там император взобрался на борт маленького суденышка, над которым реял государев штандарт. Петр правил рулем, а на веслах сидели четыре адмирала. Ботик проплыл между выстроившимися двумя рядами двадцатью двумя линейными кораблями и двумя сотнями галер. По сигналу, поданному монархом, со всех судов грянули пушечные залпы. Фарватер затянуло дымом, и над густой завесой виднелись лишь верхушки мачт самых больших судов. Затем последовал пир, длившийся десять часов кряду, причем Петр объявил, что «бездельник тот, кто в этот день не напьется пьян». Дам не отпустили, и молодые цесаревны Анна и Елизавета обносили гостей бокалами венгерского вина. Герцогиня Мекленбургская захмелела, да и другие знатные гости изрядно перебрали: от пьяных слез, объятий и поцелуев они незаметно перешли к ссорам и стычкам – не только словесным. Даже Петр, который к этому времени стал выпивать куда меньше, чем в юности, осушил немало бокалов.

Осенью очередным маскарадом была отмечена вторая годовщина Ништадтского мира. Петр рядился то католическим кардиналом, то лютеранским пастором, позаимствовав у настоящего пастора его облачение, то, наконец, армейским барабанщиком, причем заправски бил в барабан. Для царицы Прасковьи это было последнее празднество – вскоре она умерла.

Чтобы восстановить организм после всех этих вакханалий, Петру приходилось ездить на воды – теперь он пил недавно открытые в Олонце «железные воды». Император часто навещал Олонец даже зимой, когда можно было ездить по Ладожскому озеру на санях. Иногда его сопровождала Екатерина. Петр утверждал, что русские минеральные воды лучше любых немецких, однако далеко не все с ним соглашались. Кое-кого беспокоило, что государь пил воду, насыщенную солями металлов, которая скорее могла навредить, нежели помочь его здоровью. Тревожило и то, что Петр не желал выполнять предписания врача:

⁴⁵ Дворец в Екатеринентале близ Ревеля построен архитектором Никколо Микетти в 1718–1723 гг. – *Примеч. ред.*

бывало, поутру он выпивал до двадцати одного стакана минеральной воды. Во время лечения ему не разрешали есть сырые фрукты, огурцы, соленые лимоны и лимбургский сыр. И все же, несмотря на запрет, Петр как-то раз, выпив целебной воды, съел тарелку инжира и несколько фунтов вишен. Лечение водами было процедурой монотонной, и чтобы развеять скуку, Петр каждый день работал в токарне, вытачивая безделушки из дерева или кости. Когда император чувствовал себя достаточно окрепшим, шел в находившиеся поблизости кузни, где с удовольствием стучал молотом.

* * *

Две старшие дочери Петра уже приближались к брачному возрасту (в 1722 году Анне было четырнадцать лет, а Елизавете – тринадцать), и как всякий разумный монарх, он стремился к заключению таких брачных союзов, которые пошли бы на пользу его державе. Со времени визита во Францию он надеялся выдать одну из своих дочерей (предположительно Елизавету) за юного короля Людовика XV. Породнившись с домом Бурбонов, Петр не только поднял бы престиж России, но и приобрел бы в Европе ценного союзника, способного служить противовесом враждебно настроенной Англии. Если бы не удалось устроить брак с самим королем, Петр рассчитывал, на худой конец, выдать Елизавету за одного из принцев французского королевского дома, с тем чтобы впоследствии возвести молодую чету на польский трон. Сразу после подписания Ништадтского мира и принятия императорского титула Петр предложил этот план Парижу. Французский посланник в Петербурге Кампредон с энтузиазмом поддержал эту идею. «Желательно, – писал он, – устроить брак дочери царя, очень милой и очень хорошенькой особы, с одним из французских принцев, которого легко, а при могуществе царя даже наверное можно было бы сделать польским королем».

Регенту Франции, герцогу Филиппу Орлеанскому, план Петра показался заманчивым. Польша и впрямь могла бы стать полезным союзником в тылу у Австрии. Если император готов употребить свое влияние, чтобы посадить французского принца на польский трон, то, возможно, с ним действительно не мешало бы породниться. Правда, у Филиппа имелись и некоторые сомнения. Происхождение Екатерины было темным, историю их с Петром венчания тоже окружала тайна – все это ставило под вопрос законность рождения Елизаветы. Но регент преодолел свои колебания и даже предложил кандидатуру, наиболее подходящую, по его мнению, на роль жениха, а стало быть, и польского короля. Выбор Филиппа пал на его собственного сына, юного герцога Шатрского. Когда, вернувшись из Персии, Петр узнал, что Франция предлагает кандидатуру Шатра, он расплылся в улыбке и сказал Кампредону: «Я знаю его и ценю высоко».

Однако, к сожалению для договаривающихся сторон, существовало серьезное препятствие этим планам, устранить которое было не в их власти. Польский престол занимал больной пятидесятитрехлетний Август Саксонский. Хотя в то время он уже не был ни другом, ни союзником Петра, император не имел намерения силой лишать его трона. Петр предложил без промедления обвенчать Шатра со своей дочерью, а потом спокойно ждать смерти Августа и освобождения польского престола. Французы, напротив, предпочитали подождать, пока принца выберут польским королем, а уж потом заключать брак, но это совсем не устраивало Петра.

«А что, если Август проживет еще лет пятнадцать? – спрашивал император. Кампредон уверял его, что этого не может быть. «Чтобы приблизить это событие, – убеждал он, – королю Польши только и нужно, что завести новую, резвую, веселую любовницу»⁴⁶.

В конце концов Кампредон согласился с доводами Петра и попытался склонить к тому же свое правительство. Он писал в Париж, восхваляя достоинства Елизаветы: «Принцесса Елизавета сама по себе особа милая. Ее можно даже назвать красавицей в виду ее стройного

⁴⁶ В действительности Август прожил еще десять лет и скончался в 1733 г. в возрасте шестидесяти трех лет.

стана, ее цвета лица, глаз и рук. Недостатки, если таковые вообще есть в ней, могут оказаться лишь в воспитании и в манерах. Меня уверяли, что она очень умна. Следовательно, если в сказанном отношении найдется какой-нибудь недостаток, его можно будет исправить, назначив к принцессе, если дело сделается, какую-нибудь сведущую и искусную особу».

И все же дело расстроилось из-за происков старого недруга Петра Георга I Английского. Регент Франции и его первый министр, аббат Дюбуа, положили дружбу с Англией в основу нового внешнеполитического курса. Бывшие враги сблизились до такой степени, что Дюбуа пересылал в Англию, не имевшую своего дипломатического представителя в России, подлинники поступающих из Петербурга депеш Кампредона, и король Георг возвращал их в Париж с собственноручными пометками на полях. Георг I не желал усиления России, Дюбуа поддерживал его и некоторое время даже оставлял послания Кампредона без ответа. Когда же он все-таки сообразовался ответить, то сообщил, что, в связи с возникшими у Англии возражениями, дело следует отложить и до получения дополнительных указаний ничего не предпринимать. Указаний так и не последовало. И регент, и Дюбуа умерли еще до исхода 1723 года, а Людовик XV был объявлен совершеннолетним и стал полновластным королем Франции. Герцог Шатрский в конце концов женился на немецкой принцессе, а дочери Петра, Елизавете, так и не суждено было вступить в законный брак (хотя, по некоторым сведениям, она тайно обвенчалась со своим фаворитом, красавцем Алексеем Разумовским, возвысившимся из простонародья и получившим графский титул). Вместо того чтобы стать королевой польской, она осталась дома, в России, которой и правила в течение двадцати одного года.

Зато планы Петра относительно его старшей дочери, цесаревны Анны, довольно скоро принесли плоды. На протяжении нескольких лет хитроумный Герц вынашивал идею женить на Анне своего молодого господина, герцога Карла Фридриха. Этой мыслью Герц поделился с Петром, и тот с радостью за нее ухватился. В последующие годы фортуна то улыбалась юному герцогу, то отворачивалась от него. Герцог приходился племянником, причем единственным, бездетному Карлу XII, приблизившему юношу к себе. В Швеции многие полагали, что именно Карлу Фридриху, а не его тетке Ульрике Элеоноре и ее мужу Фридриху Гессенскому достанется шведская корона. В 1721 году Карл Фридрих тайно приехал в Россию, надеясь заручиться поддержкой царя в своих притязаниях на шведский престол, а если удастся, скрепить союз с Петром женитьбой на одной из его дочерей. Приезд герцога в Россию сыграл на руку Петру. Ульрика Элеонора и Фридрих расценили пребывание молодого человека в Петербурге как скрытую угрозу, и это подтолкнуло их к скорейшему примирению с Россией. В одной из статей Ништадтского мира 1721 года содержалось обещание России не поддерживать притязаний герцога на шведский трон. Несмотря на постигшее его разочарование, Карл Фридрих остался в России. Он сделался любимцем Екатерины, принимал участие во всех придворных увеселениях, а его маленький двор стал центром притяжения для тех шведских офицеров, которые, женившись на русских, по шведским законам не могли вернуться на родину со своими женами. Собираясь у герцога, эти неприкаянные души все больше приучались заливать тоску водкой, и вскоре возникла опасность того, что герцог, единственный племянник Карла, сражавшийся бок о бок со своим прославленным дядей, превратится в праздного прихлебателя при российском дворе.

Однако Карл Фридрих не оставлял надежды получить руку цесаревны Анны, рослой, темноволосой и привлекательной, как и ее мать, девушки, которая к тому же была умна, жизнерадостна, благовоспитанна и, появляясь в обществе в великолепном платье, с волосами, убранными по европейской моде и украшенными жемчугами, производила неизгладимое впечатление на иностранных послов. Шансы Карла Фридриха значительно возросли, когда в 1724 году был подписан шведско-русский оборонительный союз. Герцог получил титул королевского высочества, и шведское правительство обязалось выплачивать ему пенсией. Кроме того, Россия и Швеция договорились оказывать совместное давление на Данию, дабы убедить ее вернуть герцогу Гольштинскому захваченные у него земли. Положение герцога таким образом улучшилось, и в 1724 году он не без удовольствия

получил послание Остермана, в котором ему предлагалось подготовить брачный договор⁴⁷. Предполагалось, что, обручившись с Анной, герцог получит пост генерал-губернатора Риги.

Обручение было отпраздновано пышно и церемонно. Накануне вечером личный оркестр герцога исполнил под окнами Зимнего дворца серенаду в честь императрицы. На следующий день, после богослужения в Троицком соборе и обеда с императорской фамилией, герцог был обручен с Анной. Петр собственноручно надел молодым обручальные кольца и воскликнул: «Виват!» – после чего все отправились на свадебный пир, за которым следовали бал и фейерверк. На балу Петр почувствовал недомогание и танцевать отказался, но Екатерина поддалась на уговоры Карла Фридриха и прошла с женихом в полонезе.

После свадьбы, однако, Анна прожила всего четыре года и скончалась двадцати лет от роду. Судьба распорядилась так, что именно она и ее супруг продолжили линию Петра на российском престоле. Молодые уехали в Гольштейн, где в Киле, незадолго до своей смерти, Анна родила сына, которого нарекли Карлом Петером Ульрихом. В 1741 году, когда мальчику исполнилось тринадцать лет, его тетка Елизавета стала императрицей. Государыня не была замужем и не имела наследников, а потому вызвала в Россию племянника и, окрестив его в православие, назвала Петром Федоровичем. В 1762 году он взошел на престол и стал императором Петром III, а шесть месяцев спустя был низложен, а потом и убит сторонниками его жены, немецкой принцессы. Эта энергичная особа захватила трон, была коронована императрицей Екатериной II и вошла в историю как Екатерина Великая. Сын, внук, а затем и более отдаленные потомки Петра III и Екатерины II занимали российский престол до 1917 года. Все они вели свою родословную от цесаревны Анны и Карла Фридриха Голштинского – от дочери Петра Великого и племянника Карла XII.

* * *

Настойчивость, с которой Петр стремился выдать замуж своих дочерей за иностранных принцев, свидетельствует о том, что ни в одной из них он не видел своей преемницы на российском престоле. И действительно, до сих пор ни одна женщина на этом престоле не восседала. Но после того, как в 1719 году скончался царевич Петр Петрович, в доме Романовых остался только один наследник мужского пола – Петр Алексеевич, сын царевича Алексея. Многие в России считали, что он-то и является законным наследником. Петр прекрасно понимал, что приверженцы старины видят в юном великом князе свою единственную надежду. И он решил лишить их этой надежды.

Но если не Петр Алексеевич, то кто же тогда унаследует трон? Чем дольше размышлял Петр над этой проблемой, тем чаще обращался мыслями к самому близкому человеку – Екатерине. С годами страсть, которую некогда испытывал Петр к этой простой, здоровой, молодой женщине, уступила место спокойной любви и доверию. Екатерина обладала колоссальной энергией и замечательной способностью приспосабливаться к любым обстоятельствам: она любила роскошь, но могла быть и неприхотлива, не теряя бодрости духа в самых суровых условиях. Она неразлучно сопровождала Петра, даже когда бывала беременна, и муж не раз говаривал, что жизненных сил у нее поболее, чем у него самого. Они вместе радовались, глядя, как расцветают их дочери, и вместе печалились, теряя многочисленных младенцев. Они находили удовольствие в обществе друг друга и грустили, когда приходилось разлучаться. «Слава Богу, все весело здесь, – писал Петр из Ревеля в 1719 году, – только когда на загородный двор придешь, а тебя нет, то очень скучно». «А что пишешь, что скучно гулять одной, хоть и хорош огород, – писал он в другой раз, – верю тому, ибо те же вести и за мною: только молю Бога, чтобы уж сие лето было последнее в разлучении, а впредь бы быть вместе».

⁴⁷ В действительности все было несколько сложнее: Петр до самого конца колебался, и к решительным действиям его побудила история с В. Монсом и та роль, которую в ней сыграла Екатерина, назначенная преемницей Петра на троне. Выдавая дочь замуж, царь надеялся дождаться внука, которого и намеревался сделать наследником российского престола. – *Примеч. ред.*

Однажды, когда Петр в очередной раз был в долгой отлучке, Екатерина приготовила сюрприз, немало поразивший мужа. Зная, как любит он новые здания, она тайне от Петра выстроила загородный дом в милях пятнадцати к юго-западу от Петербурга. Двухэтажный каменный особняк, окруженный садами и парками, стоял на вершине холма, а позади него, до самой столицы на берегу Невы, раскинулась широкая равнина. Когда Петр вернулся, Екатерина сказала ему, что нашла прелестное, уединенное место, где была бы не прочь «поставить Вашему Величеству загородный дом, когда б вы не поленились сходить да посмотреть на него». Петр тут же обещал взглянуть на это место и, «ежели оно и впрямь таково, поставить дом, какой она пожелает». На следующее утро большая компания отправилась в путь. Петр распорядился взять с собой повозку с навесом, чтобы было где перекусить в дороге. Доехав до подножия холма, кортеж стал подниматься по ведущей к вершине липовой аллее, в конце которой Петр неожиданно увидел дом. Так и пребывая в недоумении, он подошел к порогу, и только в дверях Екатерина сказала ему: «Это загородный дом, который я построила для моего государя». Восхищенный Петр нежно обнял жену и ответил: «Я вижу, ты хотела показать мне, что окрест Петербурга не только на воде есть красивые места». Екатерина повела мужа по дому и наконец пригласила в просторную гостиную, где уже был накрыт превосходный стол. Петр похвалил ее архитектурный вкус, а Екатерина в ответ предложила здравицу в честь хозяина нового дома. Еще большее удивление и восторг Петра вызвало то, что, едва Екатерина поднесла кубок к губам, под окнами грянул салют из одиннадцати пушек, укрытых в саду за деревьями. Ночью Петр признался жене, что не может припомнить более счастливого дня»⁴⁸. Со временем это имение стало называться Царским Селом. Императрица Елизавета повелела Растрелли выстроить на месте достопамятного загородного дома огромный дворец. Это величественное здание, названное Екатерининским дворцом в честь матери Елизаветы, императрицы Екатерины I, сохранилось до наших дней.

Уважение и признательность Петра к Екатерине усилились благодаря ее участию в Прутском и Персидском походах. Подтверждением этих чувств стало публичное венчание императорской короной Екатерины и учреждение в ее честь ордена Св. Екатерины. Не имея наследника и задумываясь о будущем, государь решил пойти дальше. В феврале 1722 года, перед тем как отправиться в Персидский поход, он предпринял решительный шаг – издал «Устав о престолонаследии». В нем объявлялся утратившим силу давний, освященный столетиями порядок, согласно которому престол великих князей Московских переходил от отца к сыну, и провозглашалось, что отныне всякий правящий государь имеет неоспоримое право назначать преемника по своему усмотрению, «дабы дети и потомки наши не впали в злость авесаломскую». Согласно новому указу, вся Россия должна была принести присягу в том, что не отступится от воли монарха и признает наследником того, кого он захочет ей дать.

Хотя февральский указ 1722 года был в подлинном смысле революционным, он послужил лишь прелюдией к еще более ошеломительному известию – Петр объявил, что намерен официально короновать Екатерину императрицей Всероссийской. Манифест от 15 ноября 1723 года гласил, что, поскольку «наша любезнейшая государыня и императрица Екатерина великою помощницей была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложая немочь женскую, волею с нами присутствовала, и елико возможно помогала... того ради данную нам от Бога самовластия, за такие супруги нашел труды она будет коронована».

Объявлялось, что церемония состоится в Москве нынешней зимой.

Издав этот манифест, Петр вступил на зыбкую почву. Екатерина по рождению была простой лифляндской крестьянкой и попала в Россию как пленница. Неужто ей суждено восседать на троне русских царей и увенчать себя короной? Хотя в манифесте о короновании Екатерины она напрямую не провозглашалась наследницей, в ночь накануне коронации Петр

⁴⁸ История эта – не более чем легенда, и относится к другому дворцу, Екатерингофу. – *Примеч. ред.*

в доме одного английского купца, в присутствии нескольких сенаторов и видных церковных иерархов заявил, что коронует жену, дабы она обрела право управлять государством. Он ждал возражений: их не последовало⁴⁹.

Церемонию коронации было задумано обставить с пышностью и блеском. Петр, всегда прижимистый в расходах на себя самого, на сей раз распорядился денег не жалеть. Коронационную мантию императрицы заказали в Париже, а петербургский ювелир получил заказ на изготовление новой императорской короны, превосходившей великолепием венеч, носимый доселе российскими монархами. Коронование должно было состояться не в граде Петровом, новой столице, а в Первопрестольной Москве, в Кремле, в соответствии с вековыми обычаями. Загодя, за шесть месяцев, в Москву были посланы президент Священного синода Стефан Яворский и неутомимый Петр Толстой, с тем чтобы подготовить все необходимое для торжественного обряда. На коронации надлежало присутствовать сенаторам, членам Синода и всей российской знати.

Из-за болезни Петр вынужден был задержаться – в начале марта 1724 года он отправился в Олонец на воды, чтобы поправить здоровье. К 22 марта наступило заметное улучшение, и они с Екатериной вместе выехали в Москву. На рассвете 7 мая с кремлевской стены выстрелила сигнальная пушка. Под стенами Кремля церемониальным маршем прошли 10 000 пеших гвардейцев и эскадрон кавалергардов. На это зрелище угрюмо взирали московские купцы, у которых Толстой по такому случаю реквизирует лучших коней. В 10 часов зазвенели колокола всех московских церквей и грянул залп из всех городских орудий. На Красном крыльце, в сопровождении высших сановников государства появились Петр и Екатерина. Императрица была облачена в пурпурное, шитое золотом платье, шлейф которого несли пять придворных дам. Петр в честь такого события надел шитый серебром кафтан небесно-голубого цвета и красные шелковые чулки. Царственная чета взидала на запрудившую Соборную площадь толпу с того самого места, откуда сорок два года назад десятилетний Петр с матерью смотрели на бесновавшихся стрельцов и лес сверкающих бердышей. Затем государь и государыня спустились с Красного крыльца, прошествовали через Соборную площадь и вошли в Успенский собор. В центре храма был воздвигнут помост, на котором для Петра и Екатерины установили два инкрустированных драгоценными камнями трона, под бархатными, расшитыми золотом балдахинами.

У дверей храма императорскую чету встретили Яворский, Прокопович и другие архиереи в священных облачениях. Яворский дал царю и царице приложиться к кресту, после чего подвел их к тронам. Началось богослужение. Петр и Екатерина молча сидели рядом. Наконец наступил торжественный момент: государь поднялся, и Яворский преподнес ему новую императорскую корону. Взяв ее в руки, монарх обернулся к собравшимся и громогласно возгласил: «Мы коронуем нашу возлюбленную супругу», – и сам возложил корону на голову жены. После этого он вручил ей державу, однако примечательно, что скипетр, символ власти, остался в его руке. Корона была осыпана 2564 бриллиантами, жемчугами и другими драгоценными камнями. Венчал ее бриллиантовый крест, под которым красовался рубин размером с голубиное яйцо.

Когда Петр возложил корону на голову Екатерины, она не смогла сдержать овладевших ею чувств и слезы заструились по ее щекам. Преклонив перед мужем колени, она порывалась поцеловать ему руку, но он не дал, и, когда она попыталась припасть к его ногам, Петр поднял теперь уже венчанную императрицу. Вновь зазвучал торжественный молебен, а вслед за ним зазвонили колокола и загремели пушки.

После молебна Петр вернулся во дворец отдохнуть, а Екатерина с короной на голове прошествовала во главе процессии из Успенского в Архангельский собор, чтобы, согласно обычаю, помолиться в усыпальнице московских царей. С плеч ее ниспадала императорская мантия, изготовленная во Франции. Украшенная сотнями золотых двуглавых орлов, она

⁴⁹ Этот, якобы имевший место эпизод в день провозглашения Екатерины I самодержавной императрицей «вспомнил» один из ее сторонников – Феофан Прокопович. – *Примеч. ред.*

была столь тяжела, что, хотя фрейлины и поддерживали ее, императрице пришлось несколько раз останавливаться, чтобы перевести дух. Следом за государыней шел Меншиков и пригоршнями швырял в толпу серебро и золото. У подножия Красного крыльца Екатерину встретил герцог Голштинский и провел ее в Грановитую палату, где был приготовлен великолепный стол. На пиру Меншиков раздавал гостям медали: на одной стороне каждой из них был парный портрет императора и императрицы, а на другой – изображение Петра, венчающего жену короной, и надпись: «Коронована в Москве в 1724 году». Пир и празднества продолжались в городе не один день. На Красной площади были зажарены два огромных быка, набитых домашней птицей и дичью, а поблизости били два фонтана – один красным вином, а другой белым.

Итак, коронация состоялась, однако же Петр не разъяснил ни новых полномочий Екатерины, ни своих намерений относительно будущей судьбы трона. Впрочем, в знак того, что теперь Екатерина обладает некоторыми атрибутами монаршей власти, Петр позволил ей даровать от ее собственного имени графский титул Петру Толстому. Этот титул носили все его потомки, в их числе и великий писатель – Лев Толстой. Также от имени императрицы Ягужинскому был пожалован орден Св. Андрея Первозванного, а князь Василий Долгорукий, впавший в немилость и отправленный в ссылку из-за причастности к делу царевича Алексея, получил дозволение вернуться ко двору. Однако реальная власть Екатерины даже в таких делах оставалась очень и очень ограниченной: как ни просила она простить и вернуть из ссылки Шафирова, все было тщетно. Каковы же в действительности были намерения Петра? Этого не знал никто. Возможно, император даже на смертном одре так и не принял окончательного решения. Однако не приходилось сомневаться в том, что он хотел гарантировать будущее Екатерины если не в качестве самодержавной государыни, то, во всяком случае, в качестве регентши при одной из дочерей. Петр понимал, что российский престол нельзя пожаловать в награду за верность и самоотреченную любовь. От венценосца требовались недюжинная энергия, мудрость и политический опыт. Екатерину же природа наделила несколько иными качествами. Но тем не менее она приняла помазание, и это позволило французскому посланнику Кампредону сделать вывод о том, что Петр «желал, дабы ее приняли в качестве правительницы и государыни после кончины супруга».

После коронации влияние Екатерины возросло, и всякому, домогавшемуся милостей двора, стало еще более, чем прежде, желательно заручиться ее поддержкой. И все же не прошло и нескольких недель после ее величайшего триумфа, как Екатерина оказалась на краю пропасти и едва избежала гибели. Одним из ее приближенных был Виллим Монс, весьма привлекательный молодой человек, младший брат Анны Монс, бывшей четверть века назад фавориткой Петра. По происхождению Монс был немец, но родился в России и являлся, таким образом, наполовину россиянином, наполовину европейцем. Неизменно веселый и галантный, Монс был к тому же человеком сообразительным и честолюбивым, никогда не упускающим возможности сделать карьеру. Благодаря умению выбирать покровителей и усердию в службе он возвысился до чина камергера и стал секретарем и доверенным лицом Екатерины. Императрице нравилось его общество – по отзыву одного иностранца, Монс «был одним из самых изящных и красивых людей, каких мне доводилось видеть». Сестра Виллима Матрена преуспела не меньше брата. Она вышла замуж за остзейского дворянина Теодора Балка, имевшего чин генерал-майора и служившего в Риге, а сама при этом являлась фрейлиной и ближайшей конфиденткой императрицы.

Постепенно, под предлогом неустанного попечения об интересах государыни, брат и сестра добились того, что получить доступ к императрице стало возможным только при их содействии. Послания, прошения и петиции, поданные на имя Екатерины, с их помощью попадали к ней незамедлительно, в противном же случае могли и не попасть вовсе. А поскольку всем было известно влияние императрицы на мужа, посредничество Монсов стало цениться весьма высоко. Министры, дипломаты и даже иноземные принцы и члены царствующей фамилии – все пользовались услугами деятельного и красивого немца: одной рукой подавали прошение, другой протягивали подношение. Никто из просителей не

занимал в глазах Монса ни слишком высокого, ни слишком низкого положения – он брал мзду как с царицы Прасковьи и ее дочерей, герцога Голштинского, князей Меншикова и Репнина, графа Толстого, так и с простого мужика, прижившегося в Петербурге и не желавшего по выходе срока возвращаться в родное село. «Плату» за услуги Монс устанавливал в зависимости от важности просьбы и достоинства просителя. Помимо средств, добываемых таким путем, Монс и его сестра получали денежные пожалования, земли и крепостных от императрицы. К мнению камергера прислушивались самые высокие персоны, и даже Меншиков называл его «братом». Решив, что «Виллим Монс» звучит слишком просто для столь значительного лица, молодой придворный присвоил себе имя Монс де ла Кроа. И тут же все стали называть его новым именем – все, кроме Петра, который, похоже, ничего не знал ни об этой перемене, ни о том, с чего это бывший Виллим Монс сделался такой важной особой.

Но было и еще кое-что, чего, как поговаривали злые языки, не знал Петр о Виллиме Монсе. Вначале по Петербургу, а потом и по всей Европе стали распространяться слухи о том, что молодой камергер сделался любовником Екатерины. Рассказывали страшные истории о том, как однажды в лунную ночь Петр застал свою жену с Монсом в саду, при обстоятельствах, ее компрометирующих. Правда, такого рода толки ничем не подтверждались. Историю с залитым лунным светом садом следует считать чистейшим вымыслом хотя бы потому, что Петр впервые обратил внимание на махинации Монса в ноябре, когда все петербургские сады были занесены глубоким снегом. И, что гораздо важнее, такая связь плохо согласуется с натурой Екатерины. Императрица была великодушна, добросердечна и жизнерадостна, но, что тоже существенно, она была совсем неглупа. Она хорошо знала Петра. Даже если ее бывшая любовь к мужу и охладела (что маловероятно, если принять во внимание ее недавнюю коронацию), она, несомненно, понимала, что связь с Монсом было бы невозможно сохранить в тайне, и хорошо представляла себе, сколь плачевными могут быть последствия, выйди они наружу. Что до самого Монса, то он, по укоренившемуся обычаю дерзких и удачливых авантюристов, возможно, и желал закрепить свой успех, посягнув на супружеские права императора, но трудно вообразить себе, чтобы Екатерина совершила подобную глупость.

Кажется странным, что Петр так долго оставался в неведении относительно злоупотреблений Монса. Государь не замечал того, что не было секретом ни для кого в Петербурге, и причину, скорее всего, следует искать в тяготившем его недуге. Когда же император все-таки узнал правду, он учинил скорую и жестокую расправу. Кто именно открыл Петру глаза, так и осталось неизвестным. Одни полагали, что это сделал Ягужинский, раздраженный притязаниями зарвавшегося Монса, другие считали, что доносчиком был кто-то из подчиненных самого камергера. Получив извет, Петр немедленно объявил, что отныне запрещает кому бы то ни было обращаться с просьбами о помиловании преступников. В обществе нарастала тревога, вызванная этим никак не разъясненным заявлением, а Петр тем временем выжидал. Вечером 8 ноября он вернулся во дворец, не обнаруживая никаких признаков гнева, отужинал с императрицей и дочерьми, а с Виллимом Монсом имел ничем не примечательную беседу. Потом он заявил, что устал, и спросил у Екатерины, который час. Она посмотрела на подаренные ей мужем часы дрезденской работы и ответила: «Девять часов», Петр кивнул, промолвил: «Ну, время разойтись», – и удалился в свои покои. Все разошлись по комнатам. Монс возвратился к себе домой, разделся и только раскурил трубку, как вдруг в комнату вошел генерал Ушаков и объявил камергеру, что тот арестован по обвинению во взяточничестве. Бумаги Монса были изъяты, кабинет опечатали, а его самого заковали в цепи и увели.

На следующий день Монса привели к Петру. Согласно официальному протоколу допроса, камергер настолько перетрусил, что лишился чувств. Придя в себя, он признал правоту всех предъявленных обвинений – сознался в том, что брал взятки, присваивал доходы с имений императрицы, а также в том, что сестра его, Матрена, была замешана в этом лихоимстве. Никаких признаний относительно неподобающих отношений с Екатериной

он не делал, да никто их от него и не требовал. На допросе эта тема не затрагивалась, что может служить косвенным подтверждением беспочвенности распускавшихся слухов. О том же свидетельствовало отсутствие у Петра желания провести расследование келейно. Напротив, он издал прокламацию, повелевавшую всем, кто давал подношения Монсу или знал о таких подношениях, сообщить об этом властям. Два дня городской глашатай выкликал на улицах Петербурга указ, грозивший за недонесение страшными карами.

Монс был обречен – любого из предъявленных ему обвинений оказалось бы достаточно для вынесения смертного приговора. Однако Екатерине не сразу верилось в то, что ее любимца ждет смерть. Она рассчитывала повлиять на мужа и даже послала весточку Матрене Балк, уверяя, что той не стоит тревожиться за брата. Затем она отправилась к Петру – просить о помиловании красавца камергера. Но императрица недооценила своего господина, забыв о том, какая порой им овладевает мстительная ярость. Властелин, казнивший Гагарина и Нестерова, подвергший унижениям Меншикова и Шафирова, и подавно не собирался щадить Виллима Монса. Приговоренный не получил даже отсрочки. В ночь перед казнью Петр пришел к нему в каземат и сказал, что, хотя ему и жаль лишаться такого способного человека, преступление не должно оставаться безнаказанным.

16 ноября Виллима Монса и Матрену Балк привезли в санях к месту казни. Монс держался с твердостью, кивал и кланялся друзьям, стоявшим среди толпы. Поднявшись на эшафот, он спокойно снял меховую шапку, выслушал смертный приговор и положил голову на плаху. Затем настал черед его сестры. Матрена Балк получила одиннадцать ударов кнутом (правда, били не слишком сильно) и отправилась в сибирскую ссылку – Тобольск. Ее мужу, генералу Балку, дозволено было, буде он пожелает, жениться вторично.

Неудивительно, что эта драма обострила отношения Петра и Екатерины. Хотя ее имя ни разу не было даже упомянуто ни Монсом, ни его обвинителями и никто не осмелился высказать подозрение в ее причастности к мздоимству, многие полагали, что на самом деле Екатерина знала о неприглядных деяниях Монса и закрывала на них глаза. Сам Петр, по-видимому, тоже считал, что в преступлении Монса есть доля ее вины. В день казни злосчастного камергера император издал указ, обращенный ко всем должностным лицам государства. В нем объявлялось, что в связи со злоупотреблениями, имевшими место при дворе императрицы, хотя и без ее ведома, наперед всем чинам запрещается принимать к исполнению ее приказы и распоряжения. Одновременно Екатерина лишилась права контролировать денежные средства, отпущавшиеся на содержание ее собственного двора.

Екатерина мужественно снесла обрушившийся на нее удар. В день казни Монса она пригласила к себе учителя танцев и с двумя старшими дочерьми практиковалась в менуэте. Зная, что любое проявление интереса к судьбе Монса может пагубно отразиться на ее собственной, она не позволяла себе дать волю чувствам. Однако, по свидетельствам очевидцев, Екатерина не легко и не сразу пошла на примирение с Петром. «Они почти не говорят друг с другом, не обедают и не спят вместе», – отмечал современник спустя месяц после казни. Впрочем, к середине января напряженность между супругами стала ослабевать. Тот же наблюдатель сообщал, что «царица пала перед ним на колени и просила прощения в своих поступках. Разговор у них продолжался около трех часов. Они читали, вместе ужинали, а потом разошлись». Было ли это примирение окончательным – неизвестно. Все время, пока шло следствие по делу Монса, император недомогал и ему становилось все хуже и хуже...

* * *

После заключения Ништадтского договора и коронации Екатерины Петр в глазах всего мира находился на вершине своего могущества. Однако те, кто жил в России, и особенно лица, близкие ко двору, не могли не заметить тревожных признаков. Два года подряд в стране был недород, и хотя хлеб закупали за границей, его все равно не хватало. Вновь и вновь против высших сановников государства выдвигались обвинения во взяточничестве.

Шафиров был приговорен к смерти, и лишь по милости государя отделался ссылкой, а теперь и Меншиков лишился поста президента Военной коллегии. Ни одно дело не двигалось с места, пока за него не брался сам Петр. (В Преображенском, несмотря на зимние холода, челядь не приносила дров, и каминные топки затопили только после личного распоряжения императора.)

Дела государства приходили в упадок по мере того, как ухудшалось физическое и душевное здоровье Петра. Порой он работал с прежней энергией и энтузиазмом. Одним из его последних замыслов было строительство нового, большого здания для размещения Академии наук. Подумывал он и об основании в столице университета. Однако все чаще Петр бывал в дурном расположении духа и им овладевала апатия. В такие моменты он ко всему терял интерес, а только сидел и горестно вздыхал, откладывая дела до последней минуты. Когда император впадал в депрессию, никто из приближенных не осмеливался заговорить с ним, даже если обстоятельства требовали немедленного вмешательства монарха. Описывая атмосферу, сложившуюся при российском дворе, прусский посланник Мардефельд докладывал своему государю, королю Фридриху Вильгельму: «Никакие выражения не будут достаточно сильны для того, чтобы дать Вашему Величеству истинное представление о непростительном небрежении и беспорядке, в котором решаются все здешние дела, так что ни иностранные послы, ни сами русские министры не знают, куда и когда обращаться. О чем бы мы ни спрашивали русских министров, в ответ они только вздыхают и в отчаянии признаются, что при всяком деле сталкиваются с невероятными трудностями. И все это не вымысел, а чистейшая правда. Здесь лишь тогда почитают что-то важным, когда доходят до самой крайности».

И только со временем самые близкие к Петру люди начинали понемногу осознавать, что кроется за всем этим, – Петр был серьезно болен. У него по-прежнему случались припадки, когда в судорожных конвульсиях содрогалось тело этого могучего, но уже слабеющего великана. Только Екатерина, положив его голову себе на колени, умела лаской облегчить его страдания. В последние годы к прежним хворям добавился новый мучительный недуг, о котором сообщал в своем донесении в Лондон Джеффрис: «Его Величество, кажется, уже несколько времени чувствует слабость в левой руке, вследствие кровоизлияния, сделанного искусным хирургом, который, минув вену, поранил прилегающий нерв. Это принудило царя носить меховую перчатку на левой руке, поскольку он нередко чувствует боль как в кисти, так и во всей руке, а иногда и теряет в ней чувствительность».

К тому же и годы давали о себе знать. Хотя в 1724 году Петру было всего лишь пятьдесят два, но кипучая деятельность, вечные разъезды и неумеренные возлияния, которым он начал предаваться еще в молодости, серьезно подорвали его здоровье. В свои пятьдесят два года император был стариком.

И вот теперь ко всему этому добавился новый недуг, которому и суждено было свести его в могилу. Уже несколько лет Петр страдал воспалением мочевого канала, а в 1722 году, во время Персидского похода, возможно, из-за сильной жары заболевание обострилось. Врачи определили наличие камней в мочевом пузыре и закупорку уретры в результате мышечных спазмов или инфекции. Зимой 1722 года боли возобновились. Поначалу Петр не говорил об этом никому, кроме своего камердинера, и некоторое время продолжал обычные попойки, но вскоре боль усилилась, и ему пришлось снова обратиться к врачам. Следуя их советам, он начал принимать лекарства и ограничил выпивку квасом, лишь изредка позволяя себе чарку водки. В иные дни он мучительно страдал и почти не мог заниматься делами, но потом наступало облегчение, и император возвращался к обычным трудам.

Однако ближе к концу лета 1724 года болезнь возобновилась в гораздо более тяжелой форме. Не в силах помочиться, Петр испытывал страшные муки. Его личный врач, Блументрост, пригласил для консультации английского специалиста, доктора Горна. Тот ввел в мочеиспускательный канал катетер, однако вход в мочевой пузырь был закупорен, и только после нескольких попыток, вместе с кровью и гноем, вышло немного мочи. Вся эта

долгая мучительная процедура делалась без какой бы то ни было анестезии. Петр лежал на столе, вцепившись в руку одному и другому доктору, которые стояли по разные стороны стола. Он очень старался лежать неподвижно, но боль была такая, что, сжимая пальцы, он едва не сломал лекарям руки. С большим трудом медикам удалось извлечь огромный камень, и боль отступила. Не прошло и недели, как мочеиспускание практически наладилось, хотя Петр еще долго оставался прикованным к постели. Только в начале сентября он начал вставать и нетерпеливо расхаживал по комнате, ожидая, когда же, наконец, можно вернуться к привычному образу жизни.

В начале октября, в ясный, погожий денек, Петр распорядился вывести свою яхту на Неву и поставить под окнами, чтобы можно было ею любоваться. Через несколько дней, несмотря на то что врачи не советовали ему утомляться, император отправился на прогулку. Сначала он посетил Петергоф, где осмотрел устроенные в парке фонтаны. Затем, пренебрегая еще более решительными протестами врачей, он предпринял длительную инспекционную поездку. Началась она со Шлиссельбурга, где был отмечен двадцатидвухлетний юбилей взятия крепости русскими войсками. Оттуда государь направился на олонечские железоделательные заводы, где настолько окреп, что собственноручно отковал полосу весом более сотни футов. После этого император проследовал на Ладожский канал – взглянуть, как продвигаются работы под руководством немецкого инженера Миниха.

Инспекция заняла почти весь октябрь. Все время Петр ощущал болевые толчки и другие симптомы болезни, но старался не обращать на них внимания. 5 ноября он вернулся в Петербург, однако почти сразу же решил отплыть на яхте в Сестрорецк на Финском заливе для осмотра железоделательных и оружейных производств. Стояла обычная для начала северной зимы погода: хмурое небо, пронизывающий ветер и беспокойное холодное море. Яхта Петра вышла из устья Невы и подходила к рыбацкой деревушке Лахте, когда в отдалении царь заметил потерявший из-за ветра управление бот, на борту которого находилось два десятка солдат. На глазах у Петра бот вынесло на отмель, и суденышко, зарывшись килем в песок, стало раскачиваться под ударами волн, рискуя, того и гляди, перевернуться. Находившиеся на борту люди впали в панику, – по-видимому, они не умели плавать и не знали, что предпринять. Петр отправил им на подмогу шлюпку, но матросы не сумели своими силами снять с мели застрявший бот, а парализованные страхом солдаты практически не оказывали им помощи. С нетерпением наблюдавший за этой картиной Петр не выдержал и приказал отвезти его на шлюпке к застрявшему боту. Из-за сильного волнения шлюпке не удалось вплотную подойти к судну, и тогда император неожиданно прыгнул в море и, погрузившись по пояс в ледяную воду, двинулся к отмели вброд. Его появление придало духу отчаявшимся людям. Повинуясь его указаниям, они подхватили брошенные со шлюпки канаты и с помощью матросов, последовавших примеру Петра, стащили бот с отмели. Спасенных солдат, не устававших благодарить Бога и государя, отправили на берег, чтобы они обсохли и обогрелись в хижинах местных рыбаков.

Петр вернулся на яхту, сбросил промокшую одежду и переоделся в сухое платье. Яхта причалила к берегу в Лахте, где император сошел на берег. Хотя он долго пробыл в студеной воде, первое время казалось, что это никак на нем не отразилось. Чрезвычайно довольный тем, что удалось спасти людей и сохранить судно, он решил заночевать в Лахте и спокойно уснул. Однако ночью у него начался жар, а следом возобновились и боли. Петр вынужден был отменить планировавшуюся поездку в Сестрорецк и вернулся в Петербург, где слег в постель. С этого времени смертельный недуг уже не оставлял его⁵⁰.

Правда, на некоторое время Петру снова полегчало. На Рождество он почувствовал себя настолько бодрым, что решил по традиции объехать дома петербургской знати в сопровождении певцов и музыкантов. В Новый год монарх любовался фейерверком, а в

⁵⁰ Происшествие у Лахты, согласно современным исследованиям, – легенда, возникшая позже. – *Примеч. ред.*

Крещение отправился на Водосвящение, где вновь подхватил простуду. В эти же дни ему в последний раз довелось принять участие в заседании Всепьянейшего собора, которое было посвящено избранию преемника недавно умершему «князю-папе» Бутурлину. Для избрания нового «папы» был собран шутовской конклав «кардиналов» под предводительством восседавшего на бочке Бахуса. Петр лично запер «кардиналов» в особой палате, запретив им выходить, пока не будет избран новый «папа». Дабы помочь собранию сделать правильный выбор, «кардиналам» было велено каждые четверть часа выпивать по ковшу водки. «Заседание» продолжалось всю ночь, а наутро члены «конклава», едва державшиеся на ногах, объявили имя избранника. Им оказался ничем не примечательный чиновник. В тот же вечер новоизбранный глава Собора дал пир, на котором гостей потчевали медвежатиной, волчатиной, лисятиной и крысятиной.

К середине января некоторое охлаждение между Петром и Екатериной, возникшее из-за истории с Монсом, казалось, сошло на нет. Вместе с супругой император посетил шутовскую свадьбу одного из своих денщиков. В том же месяце он побывал на ассамблеях в домах Петра Толстого и адмирала Крюйса. Однако 16 января болезнь возобновилась и вынудила царя слечь в постель. Доктор Блументрост созвал консилиум, на который вновь был приглашен Горн. Проведя мягкое зондирование, врачи обнаружили у Петра воспаление мочевого пузыря и кишечника, причем настолько серьезное, что были основания подозревать гангрену. Не зная средства, которое могло бы остановить столь далеко зашедший процесс, Блументрост и его коллеги срочно послали курьеров к двум европейским светилам – доктору Бургаве из Лейдена и доктору Шталю из Берлина – с описанием симптомов болезни и отчаянной мольбой о помощи.

Тем временем соблюдавшему постельный режим Петру слегка полегчало. Он вернулся к работе и, вызвав к постели Остермана и других министров, провел с ними совещание, затянувшееся на всю ночь. 22 января он беседовал с герцогом Голштинским и обещал, как только поправится, поехать с ним в Ригу. Но на следующий день государю вновь стало хуже. Он призвал священника, исповедался и причастился. Затем к его ложу были допущены Толстой, Апраксин и Головкин. В их присутствии император повелел помиловать и освободить всех осужденных преступников, за исключением убийц, и даровал прощение молодым дворянам, уклонявшимся от службы. Потом он обратился к рыдающему Апраксину и другим сановникам с просьбой в случае его смерти не дать в обиду проживающих в Петербурге иностранцев. И наконец, верный своему обычаю вникать во все мелочи, подписал два указа: об упорядочении рыбной ловли и о торговле клеем.

К вечеру 26 января императору стало чуточку лучше, и доктора поговаривали о том, что, возможно, ему будет позволено встать и пройтись по комнате. Ободренный Петр сел в постели и поел немного овсяной каши. И тут же с ним приключился припадок. Тело царя сотрясали такие конвульсии, что все присутствующие решили – пришел конец. Во дворец были срочно созваны сенаторы, высшие чины гвардии и другие сановные вельможи, чтобы по очереди дежурить у постели умирающего. Петра одолевали приступы нестерпимой боли, и Остерман умолял государя оставить все дела и думать только о себе. Мучения были настолько сильны, что Петр не мог сдерживать криков и стонов. Монарх беспрестанно каялся в своих прегрешениях, два раза принимал святое причастие и получил отпущение грехов. 27 января с ним был архиепископ Феофан Прокопович, в присутствии которого Петр страстно воскликнул: «Господи, верую и уповаю», – а затем как бы про себя добавил: «Верую, Господи, что ты простишь мне многие прегрешения за то добро, что старался сделать я для своего народа».

Все это время Екатерина ни днем ни ночью не отходила от ложа супруга. В какой-то момент она посоветовала ему простить по-прежнему пребывавшего в немилости Меншикова, дабы примириться со Всевышним и обрести душевный покой. Петр согласился, и князь был допущен к монарху, который простил его – теперь уж последний раз. 27 января, в два часа пополудни, видимо желая прояснить вопрос о престолонаследии, император приказал принести ему перо и бумагу. Получив требуемое, он написал «Отдайте все...», но

тут перо выпало из ослабевшей руки. Писать Петр не мог и послал за дочерью Анной, собираясь продиктовать ей завещание. Однако, когда цесаревна явилась, он уже впал в беспамятство⁵¹.

В сознание император больше не приходил, только стонал. Екатерина часами стояла у его изголовья и молилась о том, чтобы смерть избавила его от мучений. Наконец 28 января 1725 года, в тот момент, когда императрица произносила слова молитвы «Господи, прими душу праведную», Петр Великий на пятьдесят четвертом году жизни и сорок третьем году царствования отошел в вечность.

⁵¹ История с последними словами «Отдайте все...» – тоже легенда. Скорее всего, Петр надеялся поправиться: у него и раньше случались тяжелые приступы болезни, на смену которым затем приходило облегчение. – *Примеч. ред.*